

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д18

Оформление серии *К. Гусарева*
Редактор серии *А. Антонова*

В оформлении обложки использована фотография:
© KOBRIN PHOTO / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 [vmirefiction](#)

 [read_action](#)

Д18 **Данилова, Анна Васильевна.**
Два лица Пьеро: [роман] / Анна Данилова. —
Москва : Эксмо, 2020. — 320 с. — (Эффект
мотылька. Детективы Анны Даниловой).

ISBN 978-5-04-112418-2

Быть птичкой в золотой клетке не так уж плохо. Женя Залетаева была счастлива с мужем Владимиром, состоятельным, добрым и порядочным мужчиной в возрасте. Но безмятежная жизнь закончилась, когда Володя умер от сердечного приступа, а в их дом вошел неизвестный и попытался убить детей!

Теперь Женя в бегах. Ее ждет жаркая, солнечная, сладкая Варна, последний подарок от мужа, новая неожиданная дружба, головокружительные авантюры и даже страстный роман! Здесь молодой женщине предстоит понять, на что она действительно способна...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-112418-2

© Данилова А., 2020
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2020

1

Такой странный был звук, она даже и не сразу поняла, что это. В гуле, которым было объято все пространство, слышался еще этот стеклянный и такой хрупкий звук.

— Поставь уже стакан, ты сейчас разобьешь его зубами...

Кто это сказал? Женя повернула голову, свою больную голову, и увидела незнакомого человека, который с недоверием поглядывал в ее сторону, что-то записывая в своем толстом потрепанном блокноте.

Стук зубов о край стакана с водой — вот что это был за звук. Ее зубы грозились разбить стакан уже второй раз за месяц. Первый — когда к ней, задремавшей под дверями реанимации, подошел доктор и сказал, что ее муж, Владимир Залетаев, умер. Она и не помнила уже, кто принес ей этот хрестоматийный стакан с водой. И вот теперь снова кто-то добрый и внимательный дал ей воды. И хотя никто не умер, зубы стучали о край хрустального стакана. И этот звук был страшным. Быть может, еще страшнее, чем тот, две недели тому назад. Буквально пару часов назад кто-то проник в их дом, в святая свя-

тых — детскую, — и произвел два выстрела по детским кроваткам. И если бы Женя не заснула с детьми вечером в своей спальне, то ни Ванечки, ни Маши, возможно, уже не было бы в живых. И это просто чудо какое-то, что она мгновенно проснулась и закричала. Да так закричала, что напугала убийцу.

Дом охраняется, у ворот будка специальная с охранником. Повсюду видеокамеры.

— Ты разбила нос своему охраннику, — сказал следователь. Ей было неприятно, что он обращается к ней на «ты». Ну и что, что молода, ну и что, что похожа на девчонку, он обязан обращаться к ней как ко взрослой. Все-таки она мать двух маленьких детей.

Женя посмотрела на свои руки, вытянула их, они дрожали. На пальцах засохла кровь.

— Он спал, а в это время убийца проник в мой дом, стрелял по кроваткам, а перед этим отключил все видеокамеры... От него водкой несет, разве вы не заметили? Скажите спасибо, что я его вообще не убила!

Она и не помнила, как бежала к охраннику, босая, по мокрой от росы траве, как схватила его за грудки, как потом била наотмашь по щекам, носу, губам, приговаривая в истерике: гад, мразь, скотина!

А дети так и не проснулись. Ни выстрелов не слышали, ни ее метания по дому в поисках убийцы — так крепко спали.

В руках она держала тяжелую напольную вазу, длинную и узкую, из толстого стекла, как бейсбольную биту. Если бы догнала стрелявшего, разбила бы ему голову, превратив мозги в кашу.

Но она его не догнала. Да и как догонять, если не знаешь, как он покинул дом, через окно или через

дверь. Сетка из окна детской была предусмотрительно вынута и прислонена к стене. Убийца готовил покушение, как-то смог проникнуть в дом. Может, его пустил охранник. Все охранники для Жени были на одно лицо — молчаливые качки с пустыми глазами. Она даже имен их не помнила, Вова ли, Саша... Однако их присутствие делало их большой дом настоящей защищенной крепостью. Что же это случилось, как такое могло произойти, что сразу после того, как не стало хозяина, все рухнуло. И стало страшно. Словно враги, о которых она и не подозревала, вмиг очнулись и поняли, что семья теперь без защитника, уязвима и что теперь можно вот так запросто проникнуть в дом, готовясь к убийству двух маленьких детей! Это было просто неслыханно! Дико! Цинично! И кто же этот человек, у которого рука поднялась на малышей?

Выстрелы прозвучали около пяти утра. Сейчас было семь, в доме работала группа криминалистов. Следователь Седов, молодой и какой-то очень бодрый для раннего утра, и сам казался шокированным. Он, осматривая дом, комнату за комнатой, бормотал себе под нос: какой цинизм, какая же жестокость!

Валерий Николаевич Седов был блондином с черными глазами и смотрел на все вокруг встревоженным взглядом, как человек, у которого есть совесть. Возможно, он, увидев простреленные кровати, вспомнил своих детей и представил, что мог бы испытать сам, окажись в подобной ситуации.

По дому, еще не так давно такому чистому, почти стерильному, благоухающему цветами в вазах, которыми были украшены все комнаты, теперь ходили,

дымя сигаретами, посторонние люди — эксперты, полицейские, какие-то прокурорские... Некоторые, как казалось Жене, осматривали дом просто из любопытства, чтобы составить представление о хозяевах, прикинуть, сколько может стоить, к примеру, мраморная лестница, устланная ковром, прижатым к ступеням золочеными планками, или набитый гусиным пухом уютный диван, размером в полкомнаты, или коллекция нежных акварельных натюрмортов известной художницы Риты Орловой. Другие же беззастенчиво оскверняли своими отправлениями чудесную, выложенную сверкающей мозаикой мятного цвета ванную комнату первого этажа.

Женя не любила полицейских и всю эту казенную братию, хотя в душе уважала этих храбрых и отчаянных людей. Ведь им подчас приходилось бросаться под пули в мирное время. Просто за зарплату.

— Валерий Николаевич, ведь вы найдете их...

Они на какое-то время остались вдвоем на кухне. Примчавшаяся на такси из соседней деревни ошалелая от известия няня Вика закрылась с детьми в спальне, где ждала их пробуждения. Женя видела ее мельком — белое лицо, огромные испуганные глаза. Поговорить же с ней лично Жене пока не удалось — с ней продолжал беседовать следователь. Спустя время настанет час допроса и самой Вики. Возможно, Седов намеренно не позволил им поговорить до этого момента.

За окном шумел сад, пели птицы, и было даже дико представить себе, что еще недавно кто-то среди этой божественной красоты желал смерти двум маленьким детям.

— Евгения Борисовна, вы говорите, что у вас нет врагов, — к удивлению Жени, он, словно услышав ее мысли, перешел на «вы». — Что вы даже представить себе не можете, кто мог бы пожелать... такого вашим детям. Но вы же понимаете, что кто-то намеренно проник в ваш дом, в спальню детей, и произвел два выстрела. Причем убийца, назовем его так, готовился к этому, вы сами видели, он убрал сетку с окна. И после того как выстрелил, выбрался из дома через это самое окно, потом бежал через сад и дальше, может, через предварительно открытые ворота.

Она смотрела на него и не хотела думать о тех отверстиях в матрасах, в которых застряли пули. Страшно было даже себе задать вопрос: почему убийца не довел дело до конца? Почему не заглянул в спальню, где спала Женя, чтобы проверить, не там ли дети, раз уж они стали мишенями? Достаточно было сделать всего несколько шагов, чтобы открыть дверь, прицелиться и...

Она замотала головой, отгоняя от себя кровавые картины возможного развития событий.

— Я думаю, что убийца очень боялся быть пойманным, — произнесла она, с трудом разлепив пересохшие губы, — поэтому и палил по кроваткам, не глядя, уверенный, что точно попадет. Возможно, если бы в кроватках не было скомканных одеялец и вороха каких-то вещей и подушек и если бы они были пустые...

Она зажмурилась, вспоминая, в каком состоянии была вечером, когда отправила няню Вику домой, желая остаться наедине с детьми. Не хотелось нико-

го видеть или слышать. И это притом что Вику она любила всем сердцем и доверяла ей, как самой себе. Желание очистить дом от посторонних появилось от невозможности больше принимать посетителей, знакомых и полужнакомых людей, которые валом валили к ним в дом, чтобы выразить свои соболезнования в связи со смертью Залетаева. Даже Катю, подругу и самого близкого ей человека, она попросила уехать. Сначала попросила ее пожить с ней, побыть рядом, потому что в доме все еще продолжал звучать голос Володи, его дыхание или шаги, и это было жутко, а вчера вот попросила ее вернуться домой. Захотелось остаться только с детьми, обняться с ними, набираясь сил, чтобы жить дальше. Ванечка получился точной копией Володи, и, когда подрастет, будет как его отец. Такой же высокий, поджарый, с большими умными глазами и молчаливый. Может, и поседет рано, как Володя. Уже в тридцать, если верить фотографиям, он был наполовину седой. Кожа гладкая, бледная, щеки розовые, а на голове ежик из серебристых волос.

Когда их познакомили, ему было пятьдесят пять, а ей всего девятнадцать. Брак настолько неравный, насколько и счастливый.

А Машенька младше Ванечки всего на год, ей только два, родилась с мамиными глазами и папиными губами. Самое красивое взяла у родителей. Губы у Володи были красивой формы, хотя и бледные.

...Произошло еще кое-что вчера, о чем ни Вика, ни Катя не знали. Они не слышали, как после обеда, когда Вика укладывала детей спать, а Катя прибиралась на кухне, ей позвонил Кирилл Ракитин, правая

рука Володи, управляющий их большим хозяйством, состоящим из мощной сети супермаркетов «Бони» в Москве и области, и сказал, что ждет ее у ворот, на скамейке. Место это называлось «под липой». Скамейку эту любили все водители Залетаева и даже охранники. Там было хорошо посидеть, подремать, покурить, послушать птиц.

— А чего сам не зайдешь? — вяло спросила его Женья. От принятых после обеда лекарств ее тянуло в сон. А жизнь без этих таблеток пока что казалась и вовсе невыносимой.

— Разговор есть. Не хочу, чтобы кто-то слышал.

Она пожала плечами, сказала Кате, что выйдет на пять минут из дома, что приехали с работы Володи, и отправилась на встречу.

Кирилл вышел из своей машины, они сели на скамейку.

— Слушай, если ты по работе, то это не ко мне. Ничего не знаю и знать не хочу. Я не бизнесмен, не бухгалтер, я вообще только школу окончила да компьютерные курсы. Это все. Решать сейчас вопрос о том, что будет с нами дальше, смогу минимум через неделю. Все понял? Насколько я знаю, работа хорошо налажена, ты неплохо справляешься... Пока что никаких перестановок не намечается.

Она хотела, чтобы он поскорее ушел.

— Евгения Борисовна, я хочу, чтобы вы вышли за меня замуж.

Сон исчез. Сразу. Она повернулась к нему, не зная, смеяться ей или послать его куда подальше.

— Ты с глузду съехал, что ли? — вырвалось у нее давно забытое еще со школьных времен выражение.

Она и не помнила уже, откуда она вообще знает это странное слово. Грубое и непонятное.

— Я не женат, вы давно нравитесь мне, и если бы мы поженились, то у вас вообще никогда не было бы никаких проблем с бизнесом.

— Типа «приходи ночью в амбар — не пожалеешь»? Так, что ли? Кирилл, ты пьяный или обкуренный? Да что с тобой такое? Ты чего несешь? Я пару дней тому назад похоронила мужа, и ты, совершенно чужой мне человек, приходишь и делаешь мне это бредовое предложение?

— А что за удовольствие было спать со стариком? Я-то, поди, лучше буду.

Он, чужой и опасный, смотрел куда-то в сторону. Красивый и наглый, знающий себе, как мужику, цену. Ему бы любовников играть в сериалах.

Она приблизилась, чтобы проверить свою догадку: да, от Кирилла несло алкоголем. Он выпил для храбрости. Дурак.

— Пошел к черту...— Ее так и подмывало бросить ему «ты уволен!», но она все же сдержалась. Даже рот ладонью прикрыла, направляясь к воротам, чтобы не наговорить лишнего. Все-таки сейчас от него многое зависело в бизнесе.

Охранник, окаменевший после утренних хозяйских побоев и ожидавший в своем игрушечном домике допроса, весь сжался, провожая ее взглядом.

— Да ты дура полная, — вдруг услышала она за спиной, остановилась и резко повернулась, чтобы посмотреть в глаза наглецу.

— Залетаев изменял тебе налево и направо!

Вот теперь он смотрел ей прямо в глаза. Она знала, что это ложь. Володя был другой, не такой, он женщин боялся, потому его и свели с Женей, почти заставили жениться. Он совсем не умел обращаться с женщинами. Не знал, что с ними делать. Удивительно, как они родили двух детей. И каждый раз, обмирая от стыда за то, что вообще прикоснулся к жене, он извинялся, целуя ей руки.

— Ну и что... — проговорила она, охрипшая, потрясенная разговором. — Я не понимаю, чего ты хочешь?

— Жениться на тебе, взять бизнес в свои руки, расширить его. Ты пойми, если не согласишься, то стоит тебе только вступить в права наследования, как ты тотчас узнаешь, сколько денег твой Залетаев должен банкам. Ты пожалеешь, что вообще была знакома с ним. Тебя обложат, как лисицу на охоте. К тому же на него заведено аж три уголовных дела! И только я знаю, как можно выпутаться из этой истории и сохранить хотя бы ваш дом! Подумай о своих детях, дурочка! Ты ничего не смыслишь в серьезных делах. Тебя...

И тут он так грязно выразился, намекая на то, что ее обманут, что она окажется в долговой яме и что детям будет даже нечего есть, не говоря о том, что они останутся без крыши над головой, что Женя испытала настоящий страх.

Да, она ничего не знала о бизнесе мужа, но всегда была уверена, что дела идут хорошо, что все в полном порядке. Именно этим спокойствием она, с детства приученная на всем экономить, и дорожила. Богатство, обрушившееся на нее с этим странным браком,

хоть и внесло в душу какую-то неразбериху и шенячий восторг, но и успокоило ее, сделало увереннее в себе.

Она некоторое время просто приходила в себя, недоумевая, как это ее скромный по всем пунктам отец, учитель физики, договорился со своим однокурсником, Владимиром Залетаевым, тоже физиком, случайно и как-то невероятно успешно поднявшегося в бизнесе, чтобы тот женился на его дочери. Григорий Сергеевич Борисов, их общий друг, так до сих пор и молчит, не признается в том, что отец, видимо, давно знал о своей болезни и сделал все возможное и невозможное, чтобы попытаться устроить судьбу Жени. Он всегда боялся, что она, по натуре бунтарка и «маленькая бандитка», свяжется с каким-нибудь шалопаем и загубит свою жизнь.

Женя и сама не поняла, как согласилась на этот брак. Должно быть, на нее сильно повлияла смерть отца. Он оставил ей письмо, в котором попросил не отказывать Залетаеву, когда тот придет просить ее руки. Для Жени Залетаев был просто другом отца. Таким же, как и Борисов. Дружья время от времени собирались у них в доме, играли в преферанс, и Женя кормила их ужином. И никогда она прежде не замечала, чтобы Залетаев смотрел на нее каким-то особенным взглядом. Наоборот, он всегда старался отвести взгляд. Да и ужин не нахваливал, как тот же Борисов. Тихий и скромный, Залетаев просто дарил ей цветы, конфеты, и ей бы никогда в голову не пришло, что когда-нибудь она станет его женой и родит ему детей.

После смерти отца она сразу переехала в загородный дом Борисовых — не могла оставаться одна в квартире. Жена Борисова, Татьяна Сергеевна, как могла согревала ее своим почти материнским теплом, ухаживала за ней, брала с собой в лес на прогулку или за грибами. Они вместе варили варенье, солили грибы и капусту, готовили ароматное красное варево со странным названием «лечо», ездили в город за покупками — словом, жили. И когда однажды Женя, не выдержав, показала ей письмо отца, практически его завещание, Татьяна Сергеевна, женщина веселая и жизнерадостная, вдруг стала совсем серьезной. Обняла Женю и сказала, что Залетаева знает давно, что человек он хороший, добрый и что хоть и старше Жени намного, все равно сделает ее счастливой. На вопрос Жени, почему же он до сих пор не обзавелся семьей, Татьяна ответила, что в его жизни были, конечно, женщины, но все корыстные, лживые, что сильно он обжегся, разочаровался. К тому же человек он резковатый, слишком серьезный и ответственный, и что и женщине рядом с ним не так уж и просто. Он молчун. Все свои чувства держит при себе. Но как друг, а именно в этом качестве Татьяна его и знает, верный, преданный, готовый на все ради близкого человека.

Татьяна сама организовала им первое свидание. Залетаев, в строгом костюме и белой сорочке, прибыл к ним за город на черном джипе без водителя. Была жара, но пиджак он так и не снял. Он привез Жене охапку каких-то волшебных колокольчиков (потом Женя узнает, что они называются «лилантус», и сама